

К. А. ЕРМИЛОВ

*Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный экономический университет*

ХАЙДЕГГЕР И САЛТЫКОВ ЩЕДРИН. НИЧТО В МЕТАФИЗИКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается метафизическая и экзистенциальная проблематика понятия «Ничто» через прочтение фрагмента романа Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Дается анализ ситуации соприкосновения с пустотой через аналитику Dasein. Проводится указание на возможные языковые и методологические трудности работы с понятием «Ничто» в современной философской мысли.

Ключевые слова: Ничто, повседневность, виртуальность, метафизика, die Stimmung, апофатизм, Хайдеггер, Салтыков-Щедрин, Деррида, Яннарас, М.М.Бахтин, Делёз.

К. А. ERMILOV

*Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor
St.Petersburg State University of Economics*

HEIDEGGER AND SALTYKOV-SHCHEDRIN. NOTHING IN METAPHYSICS AND LITERATURE

The article deals with the metaphysical and existential issues concept of Nothing through reading of the novel by Saltykov-Shchedrin's «Golovlevs». The analysis of the situation of contact with the void through the analyst Dasein. Conducted an indication of possible linguistic and methodological difficulties of working with the concept of Nothing in contemporary philosophical thought.

Key words: Nothing, Everyday Being, virtuality, metaphysics, die Stimmung, apophatism, Heidegger, Saltykov-Shchedrin, Derrida, Yannaras, Bakhtin, Deleuze.

В знаменитых «Афоризмах житейской мудрости» Артур Шопенгауэр говорил, что песня Гёте «Ich hab' mein Sach auf nichts gestellt» («Я сделал ставку на ничто») [2, С.273-274] «выражает, собственно, что лишь тогда, когда мы принуждены отказаться от всех возможных требований и ограничиться простым, голым существованием, получаем мы в удел то душевное спокойствие, которое служит основой человеческого счастья, так как оно необходимо, чтобы находить вкус в наличной действительности и, следовательно, во всей жизни» [10, С.310]. Итак, ограниченность простым голым существованием и Ничто

выполняет этическую функцию, отделяя неподлинные структуры и слои. Важно постараться усмотреть *Ничто*, насколько это возможно, в чистом виде. Мы обращаемся за помощью к литературе не столько за примерами, сколько обращаемся за помощью как к полноправному «собеседнику». Мы следуем за взаимопрочением к Хайдеггеру и Салтыкову-Щедрину, стараясь при этом избежать возможной в данном случае игры в интертекстуальность.

Степан Владимирович из романа М.Е.Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» оказался в пустоте, именно в пустоте. Исходно, уже после того, как он лишился всего и оказался в качестве приживальщика в деревне своей матери без средств и почти без одежды и обуви, Степан Владимирович «бездействует». «У него не было другого дела, как смотреть в окно и следить за грузными массаами облаков. С утра, чуть брезжил свет, уж весь горизонт был сплошь обложен ими; облака стояли словно застывшие, очарованные; проходил час, другой, третий, а они всё стояли на одном месте, и даже незаметно было ни малейшей перемены ни в колере, ни в очертаниях их» [7, С.47].

Но возможно ли «подлинное» безделье? Из аналитики Dasein Хайдеггера мы знаем, что бытие присутствия есть забота, нескончаемая направленность. «Даже если мы видим другого “просто бездельничающим”, он никогда не воспринимается как наличная человеко-вещь (Menschendinge), но “безделье” тут экзистенциальный модус бытия: неозаботившееся, неосмотрительное пребывание при всем и ничем» [8, С.120]. Это момент падения и рассеивания Dasein, как называет это Хайдеггер. Безделье невозможно в точном смысле, возможно лишь исходное положение «дела» присутствия. «Однако также и когда другие в их присутствии как бы тематизируются, они встречны не как наличные вещь-лица (Persondinge), но мы застаем их “за работой”, т.е. сначала в их бытии-в-мире» [8, С.120]. Здесь имеет место своего рода ненаправленная направленность и неозаботившаяся забота, что представляет собой противоречие, где забота не направлена на вещи мира и не направлена на самость (Selbst). Или, другими словами, не направлена на знание и вняtie себя.

Пустота оказывает давление, и Степан Владимирович ищет забвения. «Впереди у него был только один ресурс, которого он покуда еще боялся, но который с неудержимою силой тянул его к себе. Этот ресурс — напиток и позабыть. Позабыть глубоко, безвозвратно, окунуться в волну забвения до того, чтоб и выкарабкаться из нее было нельзя» [7, С.48]. «Абсолютная» пустота *внешнего* социального и коммуникативного по неумолимой логике ведет к жажде опьянения, т.е. *внутри*, однако не во «внутренний мир», а внутрь еще и от самого себя. Показать, что-же-там-находится-внутри, Степану Владимировичу может только вино. Но опьяненное внутреннее имеет язык внешнего, не имея своего языка. Круг замкнулся. Опьянение, не содействуя обмену мыслями, выскабливает видимость коммуникации и оставляет наедине без единого.

Далее Степан Владимирович Головлев будет скатываться в пустоту всё глубже и глубже, находясь в одиночестве и бездействии. Какой выход можно было бы предложить исходя из современности? Можно подумать, что нашему герою не хватало лишь телевизора и (или) интернета, чтобы выжить, при-

крыв эту «бесконечную» пустоту бесконечным же потоком информации. Однако вспомним, что Степана Владимировича держали буквально в темноте, из экономии не давая свечей. В любом случае поток информации представлял бы, согласно аналитике Dasein, лишь модус «жажды нового» (die Neugier) или любопытства. «Высвободившееся любопытство озабочивается видением однако не чтобы понять увиденное, т.е. войти в бытие к нему, а только чтобы видеть. Оно ищет нового только чтобы от него снова скакнуть к новому. Для заботы этого видения дело идет не о постижении и не о знающем бытии в истине, но о возможности забыть (Sichüberlassens) в мире», говорит Хайдеггер [8, С.172]. Так или иначе, путь один — к самозабвению, другого не видно.

М.М.Бахтин описывал циклический, «бевременный» вариант хронотопа, указывал, что такая ситуация характерна в том числе и для текстов Салтыкова-Щедрина. Время здесь лишено поступательного исторического хода, «оно движется здесь по узким кругам: круг дня, круг недели, месяца, круг всей жизни. День никогда не день, год не год, жизнь не жизнь. Изю дня в день повторяются те же бытовые действия, те же темы разговоров, те же слова и т. д. <...> Это густое, липкое, ползущее в пространстве время» [1, С.287].

Действительно, горизонт временности Степана Владимировича постепенно захлопывается до смутного настоящего. «Притупленное воображение силится создать какие-то образы, помертвелая память пробовала прорваться в область прошлого, но образы выходили разорванные, бессмысленные, а прошлое не откликлось ни единым воспоминанием, ни горьким, ни светлым, словно между ним и настоящей минутой раз и навсегда встала плотная стена. Перед ним было только настоящее в форме наглухо запертой тюрьмы, в которой бесследно потонула и идея пространства, и идея времени» [7, С.49]. Это скудное чувство «настоящего» становится невыносимым для Головлева. Пресловутое «здесь и сейчас», полученное в чистом виде, оказывается настолько страшным, что от него тоже хочется избавиться, во что бы то ни стало. Вульгарная интерпретация проблемы излишней озабоченности прошлым и будущим представляется несостоятельной. «Здесь и сейчас» имеет и дефективный модус, лишь спутывающий присутствие и не позволяющий высвободиться для обзора бытийных возможностей (Sein Möglichkeiten).

Если мы зададим простой, по видимости даже слишком простой вопрос: «А какое могло быть настроение у Головлева в этой ситуации?», — то также просто хочется ответить — «плохое». Однако, так ответив, мы скажем не просто мало или неверно, а сообщим принципиально не то. Обратимся за описанием настроения Степана Владимировича к тексту самого Салтыкова-Щедрина. «Утром он просыпался со светом, и вместе с ним просыпались: тоска, отвращение, ненависть. Ненависть без протеста, ничем не обусловленная, ненависть к чему-то неопределенному, не имеющему образа <...> Не нужно ничего, ничего, ничего не нужно» [7, С.50]. Подход к настроению как к одному из первичных экзистенциалов, предложенный в «Бытии и времени», представляется особо продуктивным для аналитики подобных состояний. Настрой (die Stimmung) представляет собой способ быть. Даже ровный, бесстрастно-

научный взгляд на вещи представляет собой вариант настроения. При этом, конечно же, следует отличать подобные описания от описания сопутствующих аффектов. Настроение уже истолковало бытие в предоставлении миру, затронув *таким* образом, чтобы чаще всего ускользнуть от самого себя. То, что мы видим в ситуации Степана Владимировича, является *рас-стройством* (die Verstimmung), в котором проявляется слепота к самому себе, где окружающий мир (Umwelt) замутнен и вняtie дезориентировано. [8, С.136]. «Воспаленные глаза бессмысленно останавливаются то на одном, то на другом предмете и долго и пристально смотрят; руки и ноги дрожат; сердце то замрет, словно вниз покатится, то начнет колотить с такою силой, что рука невольно хватается за грудь. Ни одной мысли, ни одного желания. Перед глазами печка, и мысль до того переполняется этим представлением, что не принимает никаких других впечатлений. Потом окно заменило печку, как окно, окно, окно...» [7, С.50].

«Сколь бы расколотой, однако, не казалась повседневность, она все-таки, пусть лишь в виде тени, еще содержит в себе сущее как единство “целого”. Даже тогда, и именно тогда, когда мы не заняты вещами и самими собой, нас охватывает это “в целом”, например при настоящей скуке (die Langeweile)» [9, С.28]. Здесь Хайдеггер указывает на то, что в основаниях повседневности уже присутствует пустота и Ничто. Существенно то, что ужас (die Angst), аналитике которого уделено большое внимание в «Бытии и времени», является «противоположным» страху. Он проясняет и не спутывает, делая присутствие отчетливым. Однако Хайдеггер постоянно указывает на непродолжительность состояния ужаса (die Angst). То, что испытывает в интенсивном и долгом зависании экзистенции Степан Владимирович, невозможно идентифицировать как ужас. Мы назвали бы это *бессобытийным выпадением из повседневности*.

Состояние Головлева выходит за рамки усредненного, наиболее распространенного падения (Verfallen des Dasein). Скорее это не бытие-к-смерти, а смерть-в-бытии. Если пытаться перевести буквально, то адекватное немецкому выражение мы вряд ли получим. Здесь мы не имеем в виду простую игру слов, а указываем на феномен «смерти при жизни». Если пытаться представить подобное, то можно сказать следующее. Хайдеггер описывает два модуля Dasein: подлинный и неподлинный. Первый представляет собой размыкание, а второй — наиболее распространенное падение в усредненную публичность. В данном же случае мы видим нечто хотя и не принципиально, но все-таки, иное. Размыкание не происходит. Но происходит радикальное *выпадение* из повседневности. (И здесь, вероятно, могло бы подойти выражение *Ausfallen*). Из этого следует вывод о том, что повседневность, со всей ее неподлинностью, усредненностью и ложностью, представляет собой возможность удержания на поверхности. Включая, в том числе и негативный смысл этого высказывания (как, например, поверхностное отношение). Собственно, в «Бытии и времени» Хайдеггер и не стремится отрицать в чистом виде позитивные возможности повседневности.

Послушаем же Салтыкова-Щедрина. «Самая тьма, наконец, исчезала, и взамен ее являлось пространство, наполненное фосфорическим блеском. Это была бесконечная пустота, мертвая, не откликающаяся ни единым жизненным звуком, зловеще-лучезарная. Она следовала за ним по пятам, за каждым оборотом его шагов. Ни стен, ни окон, ничего не существовало; одна безгранично тянущаяся, светящаяся пустота. Ему становилось страшно; ему нужно было заморить в себе чувство действительности до такой степени, чтоб даже пустоты этой не было» [7, С.49]. Встреченное Степаном Владимировичем Ничто не размывает бытие сущего «в целом» и не направляет на что-либо действительно важное и значительное. *Ничто* скорее здесь захлопывает. Открывшееся Ничто представляет собой слишком много, невыносимо много. Как возможно пережить такое? «Мы настолько конечны, что именно никак не можем собственным решением и собственной волей поставить себя перед лицом Ничто» [9, С.34]. Здесь скорее Ничто поставило нашего героя перед «собой». Как же быть с этим Ничто?

Жиль Делёз в свое время спрашивал, «не вызвал ли сам Хайдеггер недопонимания своей концепцией “Ничто”, своей манерой “преграждать” бытие вместо того, чтобы заключить в скобки (не) небытия» [3, С.89]. Однако у Хайдеггера речь идет принципиально о том, что всякое отрицание следует из Ничто. И никак не наоборот. *Ничто* не следует из отрицания. Дело в данном случае не столько в том, чтобы схватить бытие через Ничто или отрицание. Возможно неадекватность интерпретации обусловленная скудностью методологического арсенала. Отрицание и логика утверждений не являются единственно возможными стратегиями работы с Ничто. Достаточно вспомнить Ареопагита. Но курьезность истории заключается в том, что не только, например, Аристотель был переистолкован Западом, но и корпус сочинений Ареопагита. Попытки же сопоставить Хайдеггера и восточного Ареопагита в истории предпринимались. Современный греческий философ Х.Яннарас предлагает рассмотреть возможности восточного апофатизма в противовес исходному средневековому методу *theologia negativa*. «Апофатизм греческого Востока не ограничивается голыми отрицаниями, но предполагает как естественное катафатическое (т.е. утверждающее. *Прим. авт.*) знание, так и его одновременное отрицание» [11, С.51]. К апофатике обращался в свое время и Жак Деррида, и не только для разговора о негативной теологии, но и в особых «методологических» целях. Апофазис, согласно Деррида, имеет необычное звучание. «Этот голос умножается в себе самом, он говорит что-то и обратное этому: у Бога нет (не существует) бытия или Бог (существует) за бытием. Апофазис — декларация, экспликация, ответ, который, принимая на предмет Бога отрицательную или вопросительную форму (поскольку *apo-phasis* означает также это), становится порой совершенно неотличим от исповедания атеиз-

ма» [4, С.74]. Кроме схожести с атеистическим дискурсом¹ апофатизм легко может предстать как бессистемная, спутанная и неясная речь. Однако «апофатизм не тождественен иррационализму, безразличию к логическим правилам формулирования знания — ведь благодаря этим правилам знание распространяется и сообщается другим людям. <...> Апофатический путь (или апофатическая позиция) в принципе предполагает, что мы принимаем метод философской гносеологии (как метод утверждений, так и метод отрицаний) в качестве возможности всякого потенциального знания» [12, С.42]. Кроме апофатизма смысл *Ничто* может быть выражен и через поэтическую речь [6, С.170]. Поэзия, сказывая через Ничто, способна найти пространство, чтобы вывести вещи из обыденности и придать им абсолютно свежее значение.

Столкновение с Ничто есть, согласно Хайдеггеру, исходная позиция бытия-в-мире, определяемая как неуютность (*die Unheimlichkeit des Dasens*). Более того, сам человек несет в себе это самое *Ничто*, являясь его заместителем. «Сам выход к Ничто не зависит от воли, позиции, установки, мировоззрения человека, он возможен только лишь тогда, когда Ничто само проснется в человеке, когда Оно само откроется человеку. И сама открытость Ничто конечна, она таится до поры до времени в человеке, который вовлечен в эту открытость как в фундаментальную возможность бытия» [5, С.389].

Ничто фундаментально. Предшествуя познанию и прорываясь сквозь повседневность, и при этом, оказывая травмирующее воздействие, Ничто способно нанести серьезные повреждения в описанной Салтыковым-Щедриным ситуации. Степан Владимирович в романе «Господа Головлевы» умирает от Ничто. Можно говорить о физических причинах его смерти (затхлый воздух, алкоголизм, болезнь и т.д.), но тем не менее, Салтыков-Щедрин гениально описывает смерть от пустоты, которая предшествует смерти биологической. «Казалось, он весь погрузился в безрассветную мглу, в которой нет места не только для действительности, но и для фантазии. Мозг его вырабатывал нечто, но это нечто не имело отношения ни к прошедшему, ни к настоящему, ни к будущему. словно черное облако окутало его с головы до ног, и он всматривался в него, в него одного, следил за его воображаемыми колебаниями и по временам вздрагивал и словно оборонялся от него. В этом загадочном облаке потонул для него весь физический и умственный мир...» [7, С.53]. Здесь мы видим изложение опыта, который лучше не иметь в принципе, вопреки расхожей фразе о «позитивности» любого опыта. Литературные описания, кроме всего прочего, и существуют для того, чтобы «виртуализировать» опыт, который, по всей видимости, следует избегать.

Итак, в конечном счете мы можем отметить следующее. В результате прочтения фрагмента романа «Господа Головлевы» через аналитику *Dasein* было

¹ «Апофатический дискурс как некоего рода мистику всегда подозревали в атеизме. Ничто не кажется более достойным и более незначимым в то же время, более неуместным, более слепым, чем такого рода суд». [4, С.74].

представлено чистое существование особого рода в ситуации выпадения (Ausfallen) из повседневности. Такое «чистое существование» никак нельзя назвать подлинной экзистенцией, а также нельзя назвать и растворенным в усредненной повседневности в Хайдеггеровском смысле этого выражения. То, что мы увидели, является особого рода модификацией несобственного (Uneigentliche) экзистирования. Ничто теперь предстает перед нами в двух противоположных модусах воздействия. В одном случае размыкает, формируя подлинные структуры понимания. А в другом — захлопывает, приводя к невыносимым измерениям экзистирования.

Кроме того, следует еще раз отметить известную проблематичность адекватного описания данного феномена, требующую особого языка. Языка, обладающего гранями апофатики и поэтического дискурса и поэтому требующего открытого, хотя и осторожного подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930—1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012.
2. *Гете И. В.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. Стихотворения. М., Худож. лит., 1975.
3. *Делез Ж.* Различие и повторение. СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
4. *Деррида Ж.* Эссе об имени. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
5. *Дорофеев Д. Ю.* Хайдеггер и философская антропология//Мартин Хайдеггер: Сб. статей. СПб.: РХГИ, 2004.
6. *Ермилов К. А.* Век поэтов и философия. Ален Бадью и Мартин Хайдеггер// Вестник ИНЖЭКОНА. Серия: гуманитарные науки. Научный журнал. Вып. 4 (55). СПб.: СПбГИЭУ, 2012. С.168-171.
7. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений: в 20 т. Т. 13. М., Худож. лит., 1975.
8. *Хайдеггер М.* Бытие и время. СПб.: Наука, 2006. Нем. изд.: Heidegger M. Sein und Zeit. — Max Niemeyer Verlag Tübingen, 2006.
9. *Хайдеггер М.* Что такое метафизика//Время и бытие. — СПб.: Наука, 2007.
10. *Шопенгауэр А.* Собрание сочинений: В 6 т. М.: ТЕРРА—Книжный клуб; Республика. Т. 4: Parerga и Paralipomena: В 2 т. Т. 1: Parerga, 2001.
11. *Яннарас Х.* Личность и Эрос//Избранное: Личность и Эрос. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005.
12. *Яннарас Х.* Хайдеггер и Ареопагит, или Об отсутствии и непознаваемости Бога//Избранное: Личность и Эрос, М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005.

TRANSLIT

1. *Bahtin M. M.* Sbranie sochinenij. T. 3: Teorija romana (1930—1961 gg.). M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2012.
2. *Gete I. V.* Sbranie sochinenij: V 10 t. T. 1. Stihotvorenija. M., Hudozh. lit., 1975.
3. *Delez Zh.* Razlichie i povtorenie. SPb: TOO TK «Petropolis», 1998.
4. *Derrida Zh.* Jesse ob imeni. M.: Institut jeksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejja, 1998.
5. *Dorofeev D. Ju.* Hajdegger i filosofskaja antropologija//Martin Hajdegger: Sb. statej. SPb.: RHGI, 2004.

6. *Ermilov K.A.* Vek pojetov i filosofija. Alen Bad'ju i Martin Hajdegger// Vestnik INZhEKONA. Serija: gumanitarnye nauki. Nauchnyj zhurnal. Vyp. 4 (55). SPb.: SPbGIlJeU, 2012. S. 168-171.
7. *Saltykov-Shhedrin M.E.* Sobranie sochinenij: v 20 t. T. 13. M., Hudozh. lit., 1975.
8. *Hajdegger M.* Bytie i vremja. SPb.: Nauka, 2006. Nem. izd.: Heidegger M. Sein und Zeit. — Max Niemeyer Verlag Tübingen, 2006.
9. *Hajdegger M.* Chto takoe metafizika//Vremja i bytie. — SPb.: Nauka, 2007.
10. *Shopengaujer A.* Sobranie sochinenij: V 6 t. M.: TEPPA–Knizhnyj klub; Respublika. T. 4: Parerga i Paralipomena: V 2 t. T. 1: Parerga, 2001.
11. *Jannaras H.* Lichnost' i Jeros//Izbrannoe: Lichnost' i Jeros, M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2005.
12. *Jannaras H.* Hajdegger i Areopagit, ili Ob otsutstvii i nepoznavaemosti Boga//Izbrannoe: Lichnost' i Jeros, M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2005.